

Бай Вэньхань посмотрел на по-детски непосредственного Бай Шу и ласково взъерошил ему волосы.

"Совсем ещё ребёнок", — с теплотой подумал он.

Бай Шу недовольно сморщил круглый курносый нос. Вэньхань тихо рассмеялся, убрал руку и спросил:

— Ты так внезапно ушёл. Успел хоть что-нибудь съесть в поместье уездного князя? Проголодался?

Бай Шу мотнул головой, и глаза его азартно блеснули.

— Вовсе нет! Я хочу порисовать.

На душе у Вэньханя сделалось немного тоскливо. Давненько его так бесцеремонно не игнорировали. Однако на лице его не отразилось ни тени досады: он лишь мягко улыбнулся.

— Что ж, иди рисуй.

Мальчик радостно улыбнулся и бросился к письменному столу, где лежал неоконченный портрет Хан Сиэня.

Бай Вэньхань покосился на рисунок. Болезненное, измождённое лицо Хан Сиэня трудно было назвать привлекательным, но на бумаге его чистый, отрешённый взгляд казался удивительно живым. В этих нарисованных глазах сквозило леденящее равнодушие — будто юноше не было дела ни до чего в этом подлунном мире.

Глядя на то, как бережно брат выводит черты лица Хан Сиэня, Вэньхань невольно нахмурился. Он сомневался, правильно ли поступил, позволив простодушному Бай Шу сблизиться с настолько холодным и безучастным человеком.

Бай Шу и не подозревал о душевных метаниях брата. Им владело лишь одно желание — поскорее закончить картину и подарить её Хан Сиэню. Он трудился с увлечением, затаив дыхание, а его глаза светились искренним восторгом.

Наблюдая за ним, Вэньхань вздохнул. Ладно, в конце концов, это первый человек, к которому его замкнутый брат потянулся сам. Пусть уж лучше радуется жизни, сохранив свою чистую, наивную душу.

Величественное поместье генерала на проспекте Алого Феникса не было родовым гнездом клана Бай. Эту усадьбу Вэньхань заслужил кровью на полях сражений. Вернувшись в столицу, он лишь ради приличия нанёс визит вежливости в отчий дом, после чего сразу перевёз брата к себе.

Настоящая же усадьба Бай располагалась в одном из тихих переулков Южной улицы. Это был скромный, но изящный дворик. Клан Бай не мог похвастаться древней родословной или связями при дворе — их даже к новой столичной знати причисляли с натяжкой.

И всё же их имя было у всех на слуху. Виной тому была скандальная слава отца семейства — господина Бай Цзюня, известного своей безудержной любовью к любовным похождениям.

Бай Цзюнь происходил из небольшого южного городка. В юности он женился на дочери своего наставника, госпоже Хэ. Когда у них родился первенец, Вэньхань, молодой отец отправился в столицу сдавать государственные экзамены.

В те годы на престол взошёл новый государь. Желая укрепить свою власть и ослабить старую аристократию, он охотно приближал к себе выходцев из низов. Разумеется, образованный и амбициозный Бай Цзюнь быстро попал в число счастливчиков.

Статный, приятной наружности чиновник вскоре перевёз семью в столицу. Шли годы, Вэньхань рос, супруги жили душа в душу, а старшее поколение не чаяло в них души. Казалось, в этом доме царил абсолютный покой.

Однако на службе Бай Цзюню поначалу не везло. Он то и дело наступал на чужие мозоли, несколько раз оказывался без вины виноватым и едва не загремел за решётку. Спасло его лишь чудо: он случайно привлёк внимание императора, который разглядел в нём толк и начал продвигать по службе. Карьера пошла в гору, но, вопреки столичным нравам, наложниц в доме господина долгое время не водилось.

Всё изменилось, когда госпожа Хэ забеременела вторым сыном, Бай Шу. Совершенно внезапно Бай Цзюнь привёл в дом женщину по фамилии Ван. Как выяснилось, она уже давно была его тайной любовницей. Прежде госпожа Ван принадлежала к богатому роду, но после того как её близкие оказались замешаны в преступлении, семейство разорилось, а саму её выставили на торги. Тогда-то предприимчивый чиновник и выкупил несчастную, спрятав её в загородном поместье.

В усадьбу Бай эта особа вошла не одна, а с грудным младенцем на руках — мальчиком, которому дали имя Бай Энь. Именно из-за новорождённого сына Бай Цзюнь решил явить любовницу свету, пожаловав ей титул младшей супруги.

Родители Бай Цзюня невзлюбили пришлицу с первого взгляда, но перед родной кровью устоять не смогли — внука приняли. Впрочем, их любимцем всё равно оставался старший Вэньхань, выросший у них на глазах.

Однако малодушному отцу этого показалось мало. Он вознамерился записать маленького Бай Эня на имя законной жены, госпожи Хэ, чтобы сделать его законным наследником.

Госпожа Хэ, разумеется, воспротивилась такому позору. Бай Цзюнь не посмел настаивать, но затаил обиду и с тех пор охладил к супруге. Вскоре, под предлогом её слабого здоровья после родов, он лишил законную жену права управлять хозяйством и передал все ключи тётушке Ван, которую принялся осыпать милостями пуще прежнего.

В такой удушливой атмосфере и появился на свет маленький Бай Шу. Когда мальчику исполнилось шесть лет, его несчастная мать, изнурённая тоской и пренебрежением мужа, тихо угасла. Не прошло и трёх месяцев со дня кончины госпожи Хэ, как Бай Цзюнь официально объявил тётушку Ван своей законной супругой, сделав её полновластной хозяйкой дома.

Той же зимой, во время празднования Пятнадцатого дня первой луны, когда весь город любовался праздничными фонарями, резвившийся в толпе Бай Шу бесследно исчез.

Вэньханю тогда едва исполнилось шестнадцать. У него не было ни связей, ни чинов, ни влияния — ровным счётом ничего.

Сбив ноги в кровь и обыскав каждый закоулок, но так и не найдя младшего брата, юноша вернулся домой. Он молча вытащил острый нож, приставил его к горлу малолетнего Бай Эня и потребовал от отца и мачехи немедленно вернуть похищенного ребёнка.

Новая госпожа, разумеется, принялась клясться всеми богами, что непричастна к пропаже. Вместо ответа Вэньхань лишь холодно усмехнулся и слегка нажал на лезвие — по нежной шее Бай Эня поползла тонкая струйка крови. Обезумев от ужаса, мачеха рухнула на колени и, захлёбываясь слезами, поползла к мужу, умоляя того спасти её любимого сына.

Бай Цзюнь и помыслить не мог, что его новая жена способна на такое коварство. Поднялся страшный переполох, на крики прибежали перепуганные старики. Поняв, что дело принимает скверный оборот, мачеха торопливо выложила всё, что знала, и Бай Цзюнь лично бросился в погоню по её указке.

Вэньхань поволок испуганного Бай Эня за собой. Перед уходом он обернулся к отцу и плачущим дедушке с бабушкой:

— Если отец не прикончит меня прямо сейчас, запомните мои слова. Если мы найдём Бай Шу покалеченным, я сделаю то же самое с его драгоценным сыном. А если мой брат погиб... клянусь, этой ночью я лично выпущу Бай Эню кишки, и он отправится на тот свет следом за ним.

Подобные речи в приличном доме сочли бы верхом сыновней непочтительности и безумия. Мачеха, вконец потеряв рассудок от страха, торопливо закричала, указывая верный путь. Дед, содрогаясь от гнева и отвращения, закричал сыну, чтобы тот немедленно прогнал эту гадину

из дома.

Убить собственного первенца у Бай Цзюня рука не поднялась, но и выставить госпожу Ван за порог он так и не решился.

Вэньхань же отыскал брата за городом, в полуразрушенном заброшенном храме.

Похитителем оказался слуга, которого едва успели нанять в усадьбу. Опасаясь, что шестилетний ребёнок сбежит, этот мерзавец без тени жалости сломал ему ноги. По приказу мачехи мальчика следовало продать торговцам людьми подальше от столицы. Однако похититель, испугавшись, что его поймают, решил избавиться от свидетеля раз и навсегда. Он уже занёс над ребёнком руку, не ожидая, что шестнадцатилетний юноша настигнет его так быстро.

В тот холодный вечер шестнадцатилетний Вэньхань совершил своё первое убийство.

Когда они вернулись, оба мальчика слегли в жестокой лихорадке. Вэньханя, разумеется, сурово наказали за самоуправство, но благодаря заступничеству деда скандал удалось замять, и дурные слухи не поползли по столице.

Стоя на коленях под ударами розг, юноша окончательно понял: без силы и власти он никогда не сможет защитить то, что ему дорого. К наукам он склонности не имел, а потому выбрал единственный доступный путь — военную службу.

Вэньхань твёрдо решил не просто уехать на границу, но и забрать искалеченного брата с собой. Сделать это законным путём отец бы ни за что не позволил, но старший брат нашёл способ убеждения: он принялся методично, день за днём избивать Бай Эня.

В те дни на лице любимого сынка мачехи не оставалось живого места от синяков и ссадин. Госпожа Ван пыталась было поднять крик и призвать мужа к ответу, но в те мрачные годы на престоле сидел подозрительный и жестокий владыка. Стоило кому-то вызвать его недовольство — и голова виновного немедленно летела с плеч. Казнили даже императорскую родню, так что перепуганный Бай Цзюнь предпочёл скрыть домашний раздор, лишь бы не привлекать внимания стражи.

В итоге Вэньхань силой увёз младшего брата из ненавистного дома. По дороге он отправил письмо деду по материнской линии, умоляя найти надёжных людей, которые могли бы присмотреть за больным ребёнком на чужбине.

Его дедушка и бабушка, для которых безвременно ушедшая госпожа Хэ была единственной, вымоленной на склоне лет дочерью, не раздумывали ни минуты. Получив весточку от внука, они без сожаления распродали всё имущество и сами отправились в суровый пограничный край.

Жизнь на заставе была суровой и беспощадной. На поле боя Вэньхань дрался свирепее всех, не щадя себя. Он получал бесчисленные раны, раз за разом возвращаясь с того света, и продвигался по службе с невиданной быстротой. Но лишь он сам знал, какой ужас сковывал его сердце перед каждой схваткой. Он до смерти боялся погибнуть — ведь тогда некому будет защитить маленького калеку и дряхлых стариков. Этот страх и не позволял ему умереть.

Сам же Бай Шу после пережитого потрясения сильно изменился. Прежде весёлый и разговорчивый, он замкнулся в себе и подолгу молчал.

Заботясь о его безопасности, Вэньхань разыскал искусного мастера воинских искусств, который обучил мальчика постоять за себя. Овладев оружием, Бай Шу увлёкся охотой и целыми днями пропадал в лесах.

У него оказался зоркий глаз и твёрдая рука. Со временем он приноровился разделявать дичь с пугающей точностью: умел снять шкуру единым лоскутом, не повредив ни волоска, а плоть срезал так чисто, что от туши дикого кабана за считанные мгновения оставался лишь идеально белый, голый скелет. За эту сноровку суровые пограничники его искренне уважали.

Однако близость вечной смерти на рубежах империи и пережитое в детстве предательство наложили свой отпечаток: юноша сделался подозрительным и люто ненавидел ложь.

Воспоминания отозвались в груди Вэньханя глухой, ноющей болью. Родной отец за все эти годы ни разу не поинтересовался их судьбой, словно стёр сыновей из памяти. А когда дедушка с бабушкой ушли в мир иной, молодой офицер проливал кровь в очередной битве и даже не смог проводить их в последний путь.

Теперь, когда он вернулся в столицу победителем, осыпанным императорскими милостями, в усадьбе Бай единственным молодым господином величали Бай Эня. Но Вэньханя это мало заботило — их настоящим домом отныне стало генеральское поместье.

Отгнав горькие мысли, Вэньхань бросил тёплый взгляд на увлечённо рисующего брата и бесшумно покинул комнату.

Бай Шу проводил его долгим взором. Он прекрасно знал, что брат считает его несмышлёным дитятей, не ведающим взрослой грязи. Но на самом деле юноша помнил и понимал куда больше, чем показывал. Просто ему было всё равно.

Он тихо вздохнул, качнул головой и вновь склонился над листом бумаги.

Пока юный Бай выводил на бумаге его черты, сам Хан Сиэнь безмятежно сидел в своём саду и лениво созерцал плывущие по небу облака. Будь на его месте другой попаданец, он наверняка

расширял бы круг знакомств и корпел над трактатами, стремясь обеспечить себе безбедное будущее. Но Сиэню подобные глупости и в голову не приходили.

Ему безумно нравилось это праздное, сонное безделье. Вглядываясь в лазурную высь и подставляя лицо ласковому ветру, он впервые за долгие годы чувствовал себя по-настоящему свободным.

Тем временем Хан Юэвэнь, вняв настоятельному совету Цзи Юэ, во весь опор мчался обратно в поместье герцога Хань. Весть о том, что старший брат уже преспокойно отдыхает в своих покоях, вызвала у него прилив глухого раздражения.

Однако стоило ему краем уха услышать шёпот челяди о том, как сестру Минчжу бесцеремонно развернули у ворот и как в этот позорный миг перед ней предстал Сиэнь, пыл Юэвэня мигом угас. Желание устроить старшему взбучку испарилось без следа. Он растерянно замер посреди двора, не зная, что предпринять.

В это же время в усадьбе уездного князя Юна его супруга с благожелательной улыбкой говорила притихшей госпоже Лю:

— Наследник Хан внезапно почувствовал себя нехорошо, и Юэвэнь, как заботливый младший брат, вызвался проводить его до дома, дабы не волновать вас. Такая редкая, трогательная привязанность между братьями в наши дни — истинное благословение.

От этих слов госпожу Лю словно громом поразило, но она выдавила из себя блёклую, подобострастную улыбку. Супруга князя окинула её пронизательным взглядом и, потеряв интерес, повернулась к другим благородным дамам.

Цзи Юэ, потеряв из виду юного Бая, тем временем спешно отправил слуг разузнать, где тот находится. Наследник прекрасно помнил, что суровый генерал опекает младшего брата как зеницу ока. Случись с мальчиком хоть какая-то неприятность, разъярённый Вэньхань, не побоявшись титула уездного князя, мог запросто переломать похитителю рёбра.

Узнав, что сумасбродный юнец уже давно бездельничает в генеральской усадьбе, Цзи Юэ грязно выругался про себя.

"Один краше другого! — в сердцах подумал он. — Ноги их больше не будет на моих приёмах!"

Хан Сиэнь просидел в саду до глубоких сумерек. Служанка Юнь Чжи принесла тёплый отвар. Когда юноша осушил чашу, она замялась, явно желая что-то сказать, но не осмеливаясь

нарушить молчание. Во дворике Душистых Орхидей лишь бойкая Би Хуа вела себя с хозяином непринуждённо — остальные слуги трепетали перед ним от страха.

Сиэнь со стуком поставил пустую пиалу на столик и нехотя поднял взгляд.

— Что-то случилось?

Юнь Чжи торопливо зашептала, потупив взор:

— Молодой господин, в главном доме шепчутся... Четвёртая барышня, едва переступив порог, сразу отправилась засвидетельствовать почтение старой госпоже Хань. Однако почтенная бабушка занемогла и как раз заснула после лекарств. Барышня Минчжу из сыновней почтительности пожелала дожидаться её пробуждения у дверей, но внезапно лишилась чувств. Служанки побоялись тревожить покой старой госпожи и спешно вызвали лекаря. Тот осмотрел её и вынес приговор: барышня занемогла от крайнего истощения и жара, ей предписан полный покой. К тому же из гостей уже воротились остальные почтенные дамы. Придя в себя, барышня первым делом распорядилась раздать подарки, что привезла с собой. Вам, господин, она передала драгоценную чернильницу из яшмы.

Хан Сиэнь выслушал её, не шелохнувшись. На его бледном лице не отразилось ни единой эмоции.

— Свободна, — обронил он.

Служанка послушно поклонилась и растаяла в сумерках. Хан Сиэнь остался сидеть в одиночестве, погружённый в глубокое безмолвие.

Спустя четверть часа от герцога Хан Чжо пришёл посыльный с известием, что господин ожидает старшего сына в своём кабинете. Сиэнь не спеша поднялся и последовал за слугой.

Герцог, ещё не успевший сменить парадный чиновничий халат, восседал за массивным столом. Завидев вошедшего сына, он небрежно указал на резное кресло напротив.

— Присаживайся.

Юноша молча подчинился.

Хан Чжо долго и пристально вглядывался в измождённое лицо наследника, после чего тяжело вздохнул:

— Мне уже донесли о безобразии, что случилось у ворот. Нерадивый слуга, дерзнувший преградить путь твоей сестре, уже сурово наказан. Бедная девочка так спешила домой, что совсем лишилась сил, а теперь ещё и слегла с лихорадкой. Я только что навещал её... Она так выросла. Вы ведь единоутробные брат и сестра. Минчжу очень тосковала по тебе. Тебе непременно нужно навестить её.

— Хорошо, — равнодушно отозвался Сизнь. — Сегодня уже поздно, навещу её завтра.

Поморщившись от сквозившего в голосе сына безразличия, Хан Чжо предпочёл сменить тему:

— Твоя матушка обмолвилась, будто во дворике Душистых Орхидей совсем не осталось серебра. Это правда?

— Возможно, — Сизнь принялся с пресыщенным видом разглядывать собственные ногти. — На еду и одежду мне хватает, а сколько серебра мне причитается на карманные расходы в месяц, я давно позабыл. Раньше я выезжал в город раз в полгода за всякими мелочами, а теперь безвылазно сижу в усадьбе. Так откуда мне знать, много ли у меня денег?

Герцог на мгновение лишился дара речи. Помедлив, он поднялся, достал из лежащего на столе трактата пачку новеньких ассигнаций и протянул их сыну.

— Глупости. Ни один уважающий себя наследник знатного рода не перебивается жалкими грошами официального жалования. Возьми это, средства из моей личной казны. Понадобятся ещё — просто скажи.

Сизнь молча принял увесистую пачку.

— И непременно верни долги тем, у кого занимал, — строго добавил Хан Чжо. — Пусть дела в нашем поместье идут не лучшим образом и траты в последние годы возросли, мы ещё не настолько обеднели, чтобы лишать содержания собственных детей.

В этот миг Сизнь впервые за всё время почувствовал к отцу некое подобие расположения. Настроение его заметно улучшилось, и он благосклонно кивнул, соглашаясь с его доводами.

<http://bllate.org/book/20088/2001980>